

НАДЕЖДА АФАНАСЬЕВНА МОРОЗОВА, ВАЛЕРИЙ ЧЕКМОНАС

Вильнюсский университет

Опочецкие антики (социо- и этнолингвистические заметки)

*живого раскола, его духа, его современного быта,
его стремлений, нравов, и главное — нравов, — мы вовсе не знаем”*

М. Стебницкий

Одной из основных целей экспедиции на Псковщину в мае 2002 г. был поиск старообрядческих деревень и собирание материалов об особенностях их конфессиональной и традиционной культуры. При этом нас интересовали прежде всего районы центральной и южной части Псковской области, говоры которых, как полагают, являются материнскими по отношению к говорам старообрядческого населения Литвы.

Из опыта прежних лет мы знали, что обычно местные жители на Псковщине не только не афиширует свою принадлежность к старообрядчеству, но стараются скрыть это и часто не желают беседовать на конфессиональные темы, что объясняется либо недоброжелательным, либо враждебным отношением окружающего православного населения к староверам.

Предварительные попытки выяснить, существуют ли “живые” сельские общины в интересующем нас ареале и где они находятся, не были успешными. В 1996 г. местные жители из-под д. Макушино сообщили нам том, что где-то к северо-западу от Опочки есть даже *несколько* старообрядческих деревень. Перед началом экспедиции коллеги из Псковского педагогического института помогли узнать, что в самой Опочке проживает старообрядческий наставник Михаил Николаевич Тимофеев. Разведывательная поездка в д. Марфино, беседы с жителями этой деревни, а затем и рассказы М.Н. Тимофеева предопределили наше решение обследовать старообрядческие деревни, расположенные вдоль р. Иссы и к западу от нее на территории Матюшкинской волости Опочецкого района и Граинской волости Краснородского района.

В заметках, следующих далее, представлены материалы, в которых впервые освещаются важнейшие особенности традиционного уклада сельской общины старообрядцев-федосеевцев на Псковщине, что важно не только само по себе, но, как кажется, помогает лучше понять особенности современной этноконфессиональной культуры старообрядцев Литвы и ее историю.

Территория, деревни, население

В узкой трапецевидной полосе, с востока ограниченной течением р. Иссы от д. Вары́гино на юге и до уровня д. Козырёво* на севере (≈ 16 км по прямой), а на западе — до линии, образуемой по прямой от д. Саку́лино, расположенной недалеко от дороги Опочка–Красногородское, — до д. Плати́шино (≈10 км, см. карту на с. 207 настоящего тома *SIVI*) сосредоточено около трех десятков старообрядческих деревень. В настоящее время самыми населенными из них (с количеством постоянных жителей от 10 чел. и более) являются дд. Ма́рфино, Анто́ново и Сидоро́во; в остальных либо проживают по несколько местных *жы́хърей* (как, напр., в дд. Сакулино, Тригу́зово, Козырёво, Серебренково, Морóзово), либо по одному-два (в дд. Луци́лы, Остропята́, Хаху́лино, Фёдоровское, Сосни́вица, Острогля́диха), либо же эти деревни еще значатся на картах, но опустели в последнее десятилетие, (напр., дд. Седуни́ха, Шлѣпиха, Бо́лото́во, Тря́пы, Боро́дино, Макси́миха, Загребца́, Ра́тово, Попки́, Авдоши́, Кобы́лино, Ва́шково). Для краткости очерченную территорию мы будем называть в дальнейшем *Поисъем* (хотя местные жители таким определением не пользуются, в контексте традиционной псковской географической номенклатуры оно кажется вполне естественным).

Около трети прежних деревень — в одних проживало по несколько семей, а значит, по несколько десятков человек, а другие были практически хуторами, — по разным причинам исчезло за время советской власти; старожилы называют в числе их дд. *Марóзково*, *Къзнячкóво*, *Санёва*, *Ка́минска* (*Ка́минка*), *Дихно́во*, *Ля́мъны*.

Судя по данным Первой всероссийской переписи населения 1897 г., в начале XX в. старообрядческое население на очерченной территории могло составлять минимум три с половиной тысячи человек. Мы исходим из того, что в Опочечком уезде (кроме г. Опочки) тогда было зарегистрировано 4 128 “старообрядцев и уклоняющихся от православия” [Псковская губерния I, 2–3]; кроме Поисья, на территории уезда было еще несколько старообрядческих деревень — сейчас нам известны только Посихново и Дерганово ныне Звонской волости к юго-востоку от Опочки.

* Здесь и в дальнейшем официальные названия населенных пунктов даны в орфографическом написании по [Псковская область 1988], ударения в них проставлены в соответствии с произношением местных жителей; названия, записанные нами от информаторов, приводятся в упрощенной транскрипции, особенности которой оговорены на с. 35 настоящего издания.

Большинство деревень в Поисье было исключительно старообрядческими, и только в некоторых из них (как, напр., в Серебренкове, Морозове, Авдошах, Кодра́шенках, Цыбине) традиционно старообрядцы проживали совместно с православными. Сведения о конфессиональном составе отдельных деревень были получены от местных жителей и не являются точными, а тем более исчерпывающими. Далеко не всегда старожилы знают ситуацию даже в соседних деревнях, некоторых из них признавались, что вообще не были во многих из названных населенных пунктов по несколько десятилетий; если учесть темпы сокращения количества сельского населения в Советском Союзе в послевоенные годы, то их слабая осведомленность в данном отношении не покажется странной. Для того, чтобы собрать демографические данные, которыми мы располагаем в настоящее время, во время экспедиции пришлось посетить абсолютное большинство населенных пунктов, указанных на карте на с. 207 настоящего издания. Проверить эти данные по опубликованным и архивным документам в ближайшее время вряд ли представляется возможным.

Тем не менее, есть основания полагать, что еще около 70-ти лет назад подопочечские старообрядцы представляли собой одну из самых значительных *компактных групп* старообрядческого населения русского Северо-Запада и Прибалтики.

По данным переписи 1897 г., больше всего сельского старообрядческого населения в этом регионе было сосредоточено в Порховском уезде Псковской губернии — 22,5 тыс. чел.; далее следовали соседний с Опочечким Новоржевский уезд (5 861 чел.) и Псковский уезд (4 679 чел.) [Псковская губерния I, 2–3]; о судьбах этих старообрядцев к настоящему времени ничего неизвестно.

Трудно сомневаться в том, что старообрядческое население Поисья является исконным и традиционным. Только образованная П.А. (д. Сидорова)**, ориентирующаяся и в истории старообрядчества, и в истории России начала XX в. (она знает о Столыпине, который общинную землю *разбил / а было шыркънало́сица*), полагает, что раньше

...было большы как-то стъраверов / видь аны бегли / видимо так што и стъраверы бегли / не было зямли надъ было жыть лóдим / аны бегли и стъраверы / вот аны тут бегли и сваё ръзвивали // сваё бажэ́ство это всё / а мы / мы ат беглых взялиш // ат беглых / бегли люди . тут нъсиялись / это жэ самый севи́р //

** Список основных информаторов см. на с. 36 данного выпуска *Slivl.*

Пользуясь случаем, благодарим всех наших собеседников за доброжелательность и внимание к расспросам. Без их бескорыстной помощи написание этой и многих других работ было бы невозможным.

Идею о беглецах она повторила и в местном предании о происхождении названия д. Сидорово:

вроди какой-то был вроде Сидър аткуль-то пъявился / видь эта наша сефирная чась . ана аткуда взяльсь нъялильсь? // эта бигляцы бегли // слышгя такий? // а аткуда бегли? / в како зямли не было / где-то аны с тёп-ных стран бегли / бегли сюда // и вроде какой-ть пъялился Сидър тут / вот за этъва Сидъра и пашла дяревня Сидъръво // йето такой ръзговор был //

Упоминание о *теплых странах* в ее рассказе, как кажется, вполне определенно свидетельствует о легендарном характере версии о том, что местные старообрядцы (по крайней мере, жители большой в прошлом д. Сидорово) являются переселенцами; скорее всего, это отзвуки рассказов об их преследовании в прошлом, которые широко известны в любой старообрядческой среде.

Иное дело, что все или абсолютное большинство старообрядцев могли быть в прошлом беглецами-переселенцами — и не только в зарубежных странах и Сибири, но и на внутренних территориях России. Не исключено, что сохранение и/или принятие “старой веры” было сопряжено с обретением личной независимости от помещиков, тем более, что обычно старообрядцы заселяли и осваивали необрабатываемые или пустующие земли. Ведь в пределах Псковской губернии именно на Порховщине население было самым редким — по причине малоприспособленных для обработки земель, и именно на территории этого уезда, как было отмечено выше, проживала самая большая группа компактного старообрядческого населения русского Северо-Запада.

Обычно же наши информаторы утверждали, что местные староверы здесь живут *спакон веку*, т.е. испокон веков, что кажется более вероятным по двум причинам. Во-первых, судя по картам ДАРЯ I–III [1986–1996], их традиционный говор является естественной интегральной частью языкового ландшафта этой части Псковщины. Во-вторых, косвенно об исконности основной части старообрядцев в данной местности свидетельствуют старинные кладбища с характерными памятниками-горбылями на захоронениях. В отличие от такого же рода памятников на самых старых старообрядческих кладбищах в Литве, характерный восьмиконечный крест здесь не горельефный, а выбит вовнутрь и покрашен белой краской (см. рис. 1). На кладбище под д. Морозово на одном из них удалось разглядеть дату захоронения — 1801 г. Кладбища под дд. Марфино и Седуниха явно многослойные, что также указывает на их древность. Таким образом, можно полагать, что предки современных старообрядцев Поисья проживали на этой территории уже в XVIII в.

В преданиях о происхождении целого ряда деревень отражен, видимо, процесс естественного разрастания местного населения и возникновения новых деревень в результате покупки крестьянами участ-

Рис. 1. Памятники на старообрядческом кладбище около д. Сидорово.

ков помещичьей земли. Большие и малые имения были сосредоточены в основном в южной части нашего ареала, ср., напр., такие сообщения:

а так было всё это барина Глушанина // вот примённо вот эта . вот этот Рябово было барина / Дихново было барина . ну // ... с Апочки барин / ... // а вот это Загрёбица / Максими́ха Ни́чынькино это было этва барина этва Матю́шинсква // в Матюшкини барин был // а тут вот только вот этъ было вот нибальшойе памессьё / ну он чыслилси памешчыкъм // Ф.Я., Антоново / в Фёдоръвским были бауатыйи / в Якушови были бауатыйи / в Лямънх были бауатыйи на ряке Илжа / в Якушове была памешыца / барыня / нъзвали барыня // в Фёдорове был барин // П.А., Сидорово

При этом некоторые названия деревень связываются местными жителями с именами или фамилиями владельцев поместий, напр.:

вроде слышна была што какая-ть здесь Марфа жыла какая-та типа / ну как бы вам сказать / барыня или што-ть такой // и так от и дярвеня стала называцца Марфино // И.Г., Марфино

По рассказу М.Р. (д. Марфино) об одной из деревень,

эта ни Ахмы́лва была / а раньшы Флюсьво было / нъзывальсь Флюсьво // эта так Ахмы́лва / типерь Ахмы́лва нъзывацца / а фактичъски ана правильна Флюсьва // эта была именье аннаво палковника Флюсьво / а патом он прадал яво / сказали Ахмыл и Ахмыл // а была . навёна (= наверное) . в яво фамилия Ахмы́ловской / зна^ате / вот ть явонъво это . ну ймини и назвали . Ахмы́лво / а так мяссёчко (= местечко) было Флюсьво // а купил это Ахмы́лво . этът . с Яришова Фядот такой //

Почти аналогичным образом возникла, видимо, и д. Антоново:

*а йеть (первые жители д. Антоново) были как в работникъх // вазьми
вот этът . маво папи . дед ужко мой был / дед был этът . три брата была
их / ... адин пашол тъ зямле вот этът вот этът Макса / вут этът на зямле //
а Калина пашол на этът пристроилси деньги дельтъ / ну а маво папе /
ужэ дед / тот это тъ паповской линиии пашол . малилси // Ф.Я. Антоново.*

Особенно важным в этом отношении кажется следующий рассказ:

*ранышы Антонъва тут вроди как и нё было / а от сабралися / барыня
была тут / пръдавала лес / барыня / барыня яво взяла / дала тут / пръдавал
лес / да был . ён зажыл (о своем предке) / барыне панравилси ён / барыня йим
дъражыла / и зажыл / и зажыл // гъварили . и лыки ранышы драли сдавали
<...> // а барыня жыла анна в Ахмыльве / где школы куло_Варыгина / да /
жыла // атарая вот в Марфине / на лузу жыла барыня // в Варыгине-то было
цело (о барской усадьбе) // вот тяперь в нас йесь за Фёдъръвским Самсониха
такая / тожъ вот так стайить каминный двор двухятажный // и сичас
стаить / в газети кали была прапушчън (о нем написано) ... / адин двор (от
бывшей усадьбы) // П.Б. Антоново.*

Можно думать, что четверо братьев или их родитель купили участок земли и основали д. Козырево, ср. рассказ А.Н. из д. Козырево:

*Къзырёво навенно тут как бы нъзывалось . их чатыри брата было и всем
фамилия Кóзырёвы / тьк можъ и с этъва и нъывальть Къзырёвъ дяревня /.*

Не исключено, что ядро старообрядческого населения Поисья могли составить первожители дд. Соснивица, Сидорово, Вершино и нек. др. соседних с ними. Мы исходим из того, что моленная в Соснивице является, видимо, более старой, чем Марфинская, а жители этих деревень всегда считались самыми грамотными и авторитетными в вопросах веры. На эту мысль наводит и то, что на карте Псковской губернии 80-х гг. XIX в. (масштаба 20 верст в английском дюйме, т.е. 8 км в 1 см) в южной и центральной части Поисья указаны, в основном, названия имений — Лотависы (совр. Лотавицы), Шурупово, Федоровское, Матюшкино. В северо-западной же части этого ареала отмечены дд. Авдоши, Князи, Лопатчиха, Шляпиха (совр. Шлёпиха), Серебренково, Сидорово. Возможно, что отсутствие на ней названий современных старообрядческих деревень в южной части Поисья свидетельствует о том, что их еще *не было* в то время, когда собирались сведения для карты. Если это так, то становится очевидным, что старообрядческие населенные пункты в этой части Поисья действительно возникали в результате покупки участков помещичьих земель в *порепорформенное время*.

Общее состояние конфессиональной группы

История разорения церквей в Сосновице и Марфино, преследований за веру в 30-е годы, а затем и общего разрушения традиционного этноконфессионального ландшафта в послевоенные годы составляет значительную часть устной истории края, которую нам удалось зафиксировать. При этом в сознании местных жителей все это воспринимается именно как преследование старообрядчества; тот факт, что каток советской власти с неменьшим эффектом прошелся также и по православию, для них, как кажется, не является существенным и важным, а может — и не особенно известным.

Лучше всего о современном состоянии данной конфессиональной группы свидетельствует отсутствие подготовленного клира — начиная от наставников, и кончая певчими. Наставником Марфинского прихода несколько лет тому назад был избран М.Н. Тимофеев, который в юности пел на клиросе, потом долгое время не имел возможности (да и права, о чем ниже) посещать церковь. Верующие Сосновицкого прихода *матушкой* избрали престарелую Мариамиду Петровну Васильеву, в быту *Марамідку*. Она полуинвалидка с юности, незамужняя, не посещала светскую школу, церковной грамоте научена дома, всю жизнь была на клиросе “при попах”. Оба теперешние наставника редкие богослужения проводят в частных домах (*матушка Марамидка* — у себя дома) и могут исполнять необходимые для старообрядца *требы* — крещение, исповедь и похороны. Каждому из них помогают по одной-две женщины клирошанки-самоучки.

Всего же практикующих верующих в обоих приходах осталось по несколько десятков человек. Родственники всех поколений чаще всего встречаются на кладбищах в День поминовения усопших на Троицу или на чьих-либо похоронах.

Насколько удалось выяснить, у нынешних *матушки* и *батюшки* нет никаких связей с другими старообрядческими общинами. Создается впечатление, что данная конфессиональная группа брошена на произвол судьбы и доживает свои последние годы. В этом отношении старообрядчество Литвы с относительно большими общинами в городах, грамотными наставниками и центральным органом управления — Высшим старообрядческим советом, — несмотря на все трудности, которые оно переживает в настоящее время, в целом кажется хорошо организованным и благополучным, хотя многие сельские общины и здесь находятся на грани окончательного исчезновения.

Особенности вероисповедания

Знакомство с особенностями традиционного вероисповедания старообрядцев Поисья явилось основным стимулом для написания данной статьи и определило ее название. Для того, чтобы лучше представить значимость собранных нами материалов, необходим небольшой экскурс в историю старообрядчества на русском Северо-Западе и в Литве.

Как известно, большинство старообрядцев этого региона принадлежало к *федосеевскому* беспоповскому согласию *не приемлющих брака*, основателем которого был дьяк (или священник) из Крестецкого Яма Феодосий Васильев (1661–1711). Последователи Феодосия “считали законными лишь браки, заключенные до присоединения к согласию, а соединившихся браком после этого — или *новоженов* — не допускали не только к молитве, но и к совместной трапезе” [Старообрядчество 1996, 287].

Преследуемый церковными властями, Ф. Васильев в 1699 г. переселился в Речь Посполитую, и основал около Невеля так наз. Русановскую общину, существовавшую до 1708 г. Здесь к нему присоединилось множество беглецов из России, принадлежащих к различным сословиям. В общине было две обители — мужская и женская — со строгим, фактически монашеским укладом жизни, который определялся не постригом и обетом, как в никонианской церкви, но добровольным решением каждого из ее членов [Зеньковский 1995, 448–449].

В 1708–1711 гг. федосеевцы обосновались в Великолукском уезде, а с 1711 до 1718 г. центром общины была Ряпина мыза в Юрьевском уезде (совр. Эстония). После 1718 г. община “распалась, но федосеевство пережило своего основателя и в конце восемнадцатого и начале девятнадцатого века оно стало одним из самых сильных и влиятельных согласий не только среди беспоповцев, но может быть даже во всем русском старообрядчестве” [там же, 452–453].

В дальнейшем, после смерти Феодосия Васильева, судьбы общин федосеевского согласия сложились по-разному, в зависимости от того, признавали или не признавали их руководители браки своих прихожан. Важное значение в истории федосеевского согласия имел так наз. Польский собор 1752 г. — собрание наставников и наиболее грамотных верующих, на котором в 46 (или 48) статьях были кодифицированы как основные положения федосеевского вероучения, обязанности духовных отцов и прихожан, так и правила поведения его последователей по отношению друг к другу и “внешнему миру” [Старообрядчество 1996, 228]; общий анализ см. [Поташенко 1999, 121–126; 2001]. Многие статьи этого *Польского устава* были ответом федосеевцев-ортодоксов на критику идеи *безбрачия* в самой федосеевской среде, которая началась уже в первой половине XVIII в. [Нильский 1869 I, 121–123, 139–140 и др.].

Строгую хронологию отхода от принципа безбрачия установить трудно, но можно принять, что на территории Литвы и Балтийских стран в целом ранний период истории федосеевского общества, когда безбрачие было официальной догмой федосеевского учения, “целесообразно закончить 1823 г., когда в Дегуцком приходе были приняты метрические книги о браках” [Потащенко 1999, 144–145], хотя реально отход от этого принципа начался, видимо, несколько раньше (так, в Москве браки начали признавать в конце XVIII в.).

В дальнейшем федосеевцы-брачники перешли в так наз. *(ново)поморское согласие*, и с конца XIX в. до недавнего времени это объединение носило название *Древлеправославной поморской церкви* (о ее современном состоянии см. [Старообрядчество 1996, 89]). Считается, что “стихийный переход *большинства* (курсив наш. — Авторы) федосеевских общин к брачному состоянию” осуществился в XX в. — в 1920–50 гг. [там же, 288]. На северо-западе России (ново)поморство утвердилось в первой половине XX в., однако не вытеснило федосеевства окончательно.

Федосеевцы-безбрачники, т.е. собственно федосеевцы, оказались в явном меньшинстве среди своих современников. Известно, что на территории Балтийских стран одна из таких немногочисленных “фундаменталистски настроенных” общин сохранилась в д. Римши (Резекненский район, Латвия) [см. <http://www.belovodije.com/catalog.html>; Старообрядчество 1996, 289] и одна или две — в Эстонии. Найти какую-либо официальную информацию о них практически невозможно, и если о жизни других старообрядческих согласий и толков в последнее время появилось немало публикаций в научных и научно-популярных изданиях, то о традиционных федосеевцах-безбрачниках в этом отношении почти ничего неизвестно.

Понятно поэтому, что мы были очень удивлены и обрадованы тем, что *старообрядцы Поисья оказались именно безбрачниками*. Этого термина сами они не употребляют (или не знают?), но *матушка Марамидка* сразу же заметила о современниках в Пскове, что они *брашные* ‘брачные’, т.е. современные поморцы. На вопрос о том, слышали ли наши информаторы слово *федосеевцы*, жительница д. Морозово А. (1938 г. рожд.), окончившая 10 кл. и читающая по-церковнославянски, ответила, что не знает этого слова и никогда его не слышала.

Сами себя они называют (людьми) *старой веры* либо *стъравѣрами*, либо просто *християнами* (ср. официальное название согласия по церковному календарю, издаваемому Преображенской федосеевской общиной в Москве, — *Христиане древлеправославно-кафолического*

исповедания и благочестия старопоморского согласия) — в отличие от *мирскѣх*, т.е. православных, напр.:

папа был мой очънь крепкий стъравер // ни сряду ни пятницу ни один пост он никагда ни скаромился / пост Ражэствиный . рас только йел в день //

П.А., Сидорово;

и савецкую власси ганимыйи / и йетъх / и царём ганимыйи йеты стъраверы / яны разбежшы <...> / аны ганимы всем влассям / и ни пѣдчынились и ня бросили сваю веру //

Ф.Я., Антоново;

(было) это раньше мирскийи пирякрешигъвлись в стъраверы // этъ многоъ было // {Зачем?} ня знаю / на вроди вера луччы стъраверская казальсь . как как мирская // ужэ взрослыйи . взрослыйи пирякрешигъвлись на льду // вот в пролуби // такойо было дело / в пролуб лезли . ачышизнѣе свайо дельти /

А.Н., Козырево;

слых слышгъла / што сѣяжжались стъраверы . от стало быть наши христиане / а хто прияжжсал / батишки прияжжсали ай какая камисия была / тут жэ вяззе тагда камисия ж была / ня так што вот только маленья дѣ папы / тут и старъсты были . ну . и йеты . как их . пѣячытили были //

М.В., Мехово;

эта вера старая / ана была крепкая / и к йей ня сильна и придержжвѣюцца / видиш . раскол тада как прѣйизашол этът / рѣскалолься эта вера на прѣваславнѣх и стъравера / их рѣзганяли и выганяли гъварят //

Э.М., Антоново;

хъранилися вси там / и прѣваславныйе и наши христиане /

М.В., Мехово.

Старообрядцы Литвы также традиционно называют себя *староверами*, и только часть из них, проживавшая на территориях, в предвоенное время оккупированных Польшей, усвоила термин *старообрядцы* как перевод польск. *staraobrzędowcy*; в русском языке этот термин в настоящее время является книжно-литературным, см. обсуждение его стилистических характеристик в [Кудрявцев 2000].

Использование названий *православный христианин* по отношению к верующим, принадлежащим к официальной церкви, нашим старообрядцам кажется неверным, ср.:

а вот сичас я слухю всё и гъварят . христиани прѣваславныйи . как это так / раз он прѣваславный / какой жэ он християннин // я кладу християннин тот / каторый старуй веры // а тут выходит што-то ня то / вот нъзываютъ от прѣваславных / и поп пишят этот Андрей-то ихный // хриссияне // тут я ни пѣнимаю / тагда мы выходим каво / вышы ай низжы? // наша вера хриссиянская вера . старая вера //

П.А., Сидорово.

Православных они иногда называют *разумам*, а также *йиритикам* ‘еретиками’ или *бясам* ‘бесами’:

разумцы / рѣзумѣ // рѣзумѣ йето вот мирскийи мы всё как па-наигъму нъзывайим йих / а это рѣзумѣ // мирскийи рѣзумѣ / <...> / мы вот в Шурупихи всё звали / ай это рѣзумѣ // яны мирскийе вси там / ни мирскийи а эты ну да . вот эты . ня наигъй вере /

Е.Я., Антоново;

Шурупы Лътавицы назывались ръзумѣ // в ръзумѣшчыну (пойти) / да да // сын в мяня тожсо на ръзумѣшчыне жсанилси / Ф.Я., Антоново;

мирских нъзывали йиритиков ... Л., Луцкылы;

*тък это все стъррики-то гъварили . што пръваславныи были папы при-
жжжали / и наши // и вот в их там между сабой были какийи-то там
ръзгаворы / ну што яны там съяшшали / тък вот наши поп назвал пръва-
славнѣва йиритиком ... В.Т., Соснивица;*

*все абягали этъх пръваславных // как гъварили . ни свайей руке // ни с твайей
руке / какова ты беса зъгуляла / Ф.Я., Антоново;*

*раншы стърверы гуляй съ стърверкой / а па... тяперь тут от а с бе-
съм там пзнакомишы / там эта ужэ бясиною звали мирскова / Е.А., Козырево.*

Самым интересным кажется использование нашими фэдосеевца-ми слова *руськие* в качестве самоназвания, ср.:

*и вечеръм хадилы где вот събиралъсь мъладѣж . разряшали // на йето как
гъварица / што в руських (т.е. у староверов) / то и в пръваславных // да /
йета адинакъва // и раншы и в пръваславных были вси празники / аны съ-
знавале вси пасты // в нас жъ . чатыри посту ... П.Б., Антоново.*

Все члены фэдосеевской общины делились на три группы: на *рабских* ‘рабских’, *нъважонных* ‘новоженов’ и *мирских* ‘мирских’, ср.:

*ут так было / три падстѣвы (= статуса, состояния) / рабскийе / нъва-
жѣбныйе и мирскийе // М.В., Мехово;*

*стърверы им... три далжно быть кружки . чашки . три / рабская .
нъважѣбная и мирская // мирская эта для обшигн / рабская эту катор-
рый тольки маляишым / нъважѣбкъя / ну каторыйи вот ну жывуть ка-
торыйи вот // Ф.Я., Антоново.*

Рабские

Это слово произносится в данном говоре [рап'с'кии /-ие], но мы транскрибируем как *рабский/-ие*, отражая понимание его носителями как производного от *раб* в смысле *раб Божий*.

К *рабским* в общине принадлежат дети, неженатая молодежь и старшие люди, прекратившие брачные связи со своими супругами и *попроцавшиеся* (см. ниже); иными словами, это часть ее членов, соблюдающая целомудрие. Через все запреты в поведении рабских просматривается основная идея — как можно строже ограничить их контакты с внешним — по отношению к общине — миром.

Прежде всего, никто не имел права пользоваться их посудой:

*вот примерно я вырълса с этъм / я была рабскъя // с майой кружки с
чашке нхто ня йел // П.А., Сидорово;*

*ани ужэ пили с атдельнъй кружки . йели с анной кружке / вот такийе
были рабскийе // А., Морозово.*

“Окверненную” посуду нужно было отмаливать:

*/ в бочку вады нанатъвъли // адна ядинсвиная кружка / йетуй кружкуй
тада наливай сябе // а так штоб лазили ут так с кружкъми / зъ пасуду ба-
бъшка / а гръшоники / пасуду всю как нъзывают аскармили / нада пъмалицца
за пасуду / ана становицца . памолицца за пасуду / а я вот слышу што а
думъю как ана молицца / ана стънавилась и гъварила Гостъди ачысси ни
пасуду а сѹду / Гостъди ачысси сѹду* Е.А., Козырево.

В пищу *рабские* должны были употреблять продукты естественного, “внутреннего” (натурального), непромышленного происхождения; вот как об это рассказывает *матушка Марамидка*:

*мы ужэ рабскийи шчытайимся / / вот шычас канфет ня йем / нячэ-
нюю ня йем / на ... калбаску ня йем / тъ закону / тъ писаню грех / чаю ня пью /
кофий тольке //*

{А разве кофе можно?} *а кофий этът ужэ там иншыи раз и колъс на йе-
тъм* (на упаковке) (ячменный?) *да / ячменный //*

Как видим, на недоуменный вопрос эксплоратора, как же это, чаю ей нельзя, а кофе можно, матушка разъяснила, что на упаковке кофе иногда нарисован ячменный колос, следовательно, это продукт естественный и пить его не грех.

Есть купленные хлеб и сладости также считалось грехом:

*вот такойи рабскийи / раншь были старички . ани прашшались там .
вот в батишки панá аль в матъшки там / и ани йели адни / штоп ну вот
принясѣш йей / <ну сийчас таких . ну таких ужэ нет сичас / примерну_бу-
ханку хлеба принясѣш / нада пъмалицца боуу за ану / или што купиш где
в мъгазине . пъмалицца боуу там / сколько . лестъвку . две . и тагда толька
куигтъ //* А., Морозово:

*а рабский значыт это ужэ рабский / тольки... канфет и то ня йели / ни
давали //* {А почему?} *грех // грех / и ня йели канфет // раз мы были рабскийи /
нам няльзя //* П.А., Сидорово:

*эта как была вайна / салдаты приѣхале / а мне пять лет была / и ут
такую груду кътялков / а там пруд такой был большой / выкидъли с машин
/ а на м(ян)я и гъварит /... / ты можыш памыть эти самыи / а я ти дам
игъкаладку / и даие этът сахър как сичас цукур-ту вот в этъх таких дал-
гиньких / а я яму и гъварю / мне няльзя ваша йись / я рабская / а яну гъвар-
ить / а втарэй стайит рѣссмяялся / гъварит / а чаво няльзя / гъварю няль-
зя / нада за яво перва... пъмалицца боуу за этът сахър / тагда ужэ можът
эта можна я ня знаю / ну были запугъны вот так што няльзя ничаво //* Е.А.

Козырево.

Как видим, у наших староверов сформировались своего рода пра-вила *кошерности* по отношению к еде и продуктам питания; в настоящее время трудно собрать информацию о них в более полном объ-

еме, но совершенно очевидно, что эти правила для членов общин были не писанными, а существовали в виде предания и, видимо, постоянно корригировались как наставниками, так и другими грамотными членами сообщества. У нас создалось также впечатление, что в различных семьях они были известны в разном объеме и придерживались их с различной степенью последовательности; вполне возможно, что в этом отношении различались и отдельные деревни. Например, традиционно считалось, что самые сознательные, грамотные и строгие староверы были в дд. Сидорово и Соснивица; по мнению одного из информаторов, в д. Вершино тоже *всё папы были* А.А., Луцилы (*попám* в Поисье часто называют не только наставников, но и всех членов клира, т.е. певчих, и вообще знающих церковную грамоту).

Молились рабские отдельно от остальных членов семьи:

я натъnú (= начну) боуу малица / са мной никто ня должън малица / вот ты стъраверка / ужэ ты ни далжна па нашъму закону малица / анна тольки я //

вот в мяня шычас сёстры там / две сястре / брательники . ут в Яхнови жыл брат . ужэ яны йезли я малюь боуу / абедъть сажуся / а ужэ аны ня молюца // вот закон в нас такой // (Они отдельно должны молиться?) а тагда яны / я пъмалюь тагда яны далжны малица // М.В., Мехово

Самое главное, только рабские могли быть членами клира (певчими) и только из их числа избирались *бáтюшко* или *матушка*, ср.:

была матъшка Хедосья / ана яшчо матъшкой не была / пажылая дева ... дявица в Саснивицы / гулять ни хадила / ана хърашо этой грамъте знала / и вот ана нас вучыла събирала / каторыйе нам далёко с Бачохнъва было чатыри киломитра / мы жыли там в йой / а каторыйи близко в Саснивицы там Сўкино / Астрапяты / йеты хадили . как в эту школу / ну и вот ана нас и вучыла / два году мы хадили к йой зимой / летъм ни вучыла яна //

вот . а патом тут пирямёрли мужчыны вси / яну избрали матушкой // ана была матъшка строгья матъшка была / ана начытънна / ана гулять ни хадила / никагда ни хадила ана гулять / пъ ярмънкъм / а тольки боуу малилъся / вот знала всю вячэрню . вўтрину / и всё в Саснивицы в Саснивицу боуу малица нъ вячэрнё . пъучэнья ана чытала / вухадила / харошгья матъшка была . строгая была // М.В., Мехово

То, что федосеевские наставники были именно из рабских, рассматривалось как одно из преимуществ старой веры по отношению к официальному православию; эта идея была развита в рассказе одного из информаторов о том, почему его теща-православная перешла в старообрядчество:

вот йойнъя мамка сразу пирикряссилься . вот . в стърабрядчъскую веру / што ня правильнья вера //

*а где ж он правильнѣя вера поп тапер ваш поп . имея жонку /
имея дѣтей / <...> . вот с жонкой пиряспить ноч . так или не / но / што там
ани дѣлѣть / и придуть принясутъ рябѣнка кряссить // он как ат жонки
пряма тѣ рябѣнка бярецца // дѣ де (= да где) имѣи ты права / так или не //
а в нас поп / он раскайлишы полнѣссѣй с жаной // этѣт и жаны в яво
шшас гѣварит нет / он старинкый . стѣричок . пакайлишы и раскайлишы
/ што с этим дѣлѣм он ня связѣн //*

*в нас мѣладѣх папов нету // в нас папа примерно выбирайит сход... как
гѣрицца . приход / нѣзывайица приход / каторый приход убирая папа / от //
ну он грамѣтный / полнѣссѣю всё это зная <...> это сваю своё дело / от . он
грамѣтный / но // а вубирають яво старичка / мѣладова-т ни грама / ни бя-
руть // а в вас мѣладыйи //* М.Р., Марфино

Учитывая все это, можно утверждать, что *рабские* составляли своего рода (полу)монашескую или (полу)монашескую прослойку федосеевского сообщества, и может быть неслучайно в одном из контекстов, женщина, крестившая ребенка (а это могла сделать только рабская), и была названа именно *монашкой*, ср.:

*в нас ужэ ня стало паповства ничаво . ряшыли йето всё // я далѣко на-
сила (крестить) // тѣварнула / на руку и нашла . с хазяйинѣм в дярвеню кило-
митрѣв зѣ_семь насила крястить // (в) Рѣгалі / к манаишѣнки (носила) / ма-
наишѣнка крясила* И.Р., Марфино

Рабских иногда называли также *маляшшыми*, т.е. молящимися, поскольку только они имели право молиться во время богослужения:

саякровка всё как бы шшытали што ана маляшшяя / А.Н., Козырево;
*а в вас боу молюцца маляшчыи / што адето / вот напримерно кры-
льсныйи? //* М.В., Мехово

В заключении этого раздела считаем необходимым обратить внимание на следующее. В нескольких высказываниях термин *рабские* прозвучал как [рѣпыс'кии]:

*раньшы были ... и чашки разныи / и ложки разныи // мы знали вот эта
чашка // раньшы как рябѣты нѣзывались / рѣпыськии //* П.Б., Антоново;
*стѣраверы им... три три далжно быть кружки . чашки . три / рѣпы-
ськая ...* Ф.Я., Антоново

Рассматривать [ы] как фонетическую вставку (эпентезу) в данном случае трудно, поскольку вследствие позиционной мягкости [п] здесь естественной была бы и-вставка (т.е. ожидалось бы **ратис'кий* < *rap'-'s'кий* или даже **рабис'кий*). Считаем поэтому вполне возможным, что форма *рѣпыськии* является реликтовой и восходит к названию *Ряпина* (мѣза) (эст. Rāpina), где, как уже говорилось, в начале XVII в.

одно время обосновалась федосеевская община. Иными словами, *рапыс'кии* означает скорее всего 'ряпинские', т.е. члены федосеевской общины, исполняющие строгие требования, которых придерживались последователи учения Феодосия Васильева в то время и которые, как уже упоминалось выше, были кодифицированы в статьях *Польского устава*. Со временем формы *рапыс'кий*, *рапыс'кии* по народной этимологии были переосмыслены как производные от слова *раб*, что и дало, в конечном итоге, обычные теперь формы *рап'с'кий*, *рап'с'кии(-е)*.

Новожены

Ключевым термином, позволившим понять принадлежность наших староверов к федосеевцам-безбрачникам и выяснить особенности структуры их общины, было слово *нъважѡн* 'новожен' (мн. ч. *нъважѡны*) и производные от него. Мы знали, что "у небрачных беспоповцев так назывались супруги, вступившие в брак уже будучи полноценными членами согласия" и что "сегодня особого кодекса о новоженах у большинства федосеевцев не существует, вместо названия «новожен» используется термин «немолящийся», поскольку нынешние новожены на общественном богослужении не должны ни читать, ни петь, ни молиться вслух, ни даже креститься" [Старообрядчество 1996, 199].

Обращаем внимание, что в народной традиции староверов Поисья сохранились старые термины — *новожены* и *молящиеся*.

Для абсолютного большинства взрослых членов обследованных общин вступление в брак или проживание в браке было нормальным явлением. Иными словами, *безбрачность* признавалась как принцип веры, но не как реальное правило социального поведения, и вступление в брак не было ни проявлением безверия, ни отступлением от веры. В брачном состоянии наши староверы не усматривают ничего постыдного либо незаконного. Так был достигнут стихийный компромисс между чистотой веры и естественной необходимостью воспроизведения общины. Последнее было тем более важным и настоятельным, что, во-первых, в общины Поисья на протяжении долгого времени не было сколько-либо заметного притока новых членов из правоверных православных (не считая случаев перекрещивания после вступления в брак), и во-вторых, смешанные браки староверов с нестароверами не только не поощрялись, но и запрещались (хотя, по рассказам наших информаторов, время от времени они случались, несмотря на все запреты). Таким образом, супругами становились, как правило, только "полноправные члены общины", и вступление в

брак означало лишь изменение их статуса в общине — они становились *новоженами* или *женатыми*. Судя по всему, они составляли основную часть взрослых членов общины.

Кстати, смешанные браки стали распространенным явлением только в послевоенное время, и это было одной из причин, ускорившим вымирание общин.

Таким образом, *безбрачниками* наши старoverы, как и все федосеевцы, были прежде всего потому, что они *не признавали церковного брака*, т.е. у них не было венчания. В ходе расспросов о формах и способах женитьбы выявилась картина, до деталей знакомая нам по рассказам старoverов Литвы и Латгалии.

Так, наши федосеевцы утверждают, что

*ни вянчались раньшы ... А.Н., Козырево¹
а в нас не было принит вянчацца / и сичас ни вянчают ... И.Р., Марфино²
йета была законъм въспряшизно вянчацца в стъраверхъ // Э.М., Антоново³*

Девушка могла уйти в дом мужа, даже не предупреждая родителей; об этом очень просто сказала П.Б. из д. Антоново:

вот поставили (баньку) за_рикой / печку вянсли в Кузьмин_день в зимний / вот я ... ишли гулять и вышла сюда //

Важно при этом было попросить прощения у родителей:

(невесту) привяли . прашизня в стариках тъпрасили и всё / и жыви с боуъм И.Р., Марфино²

Считалось, что невест не украдают, а просто уведят:

ни_украдали / а сами ухадили ат радитилий вкрадке (= украдкой, тайно) / штоба радитили ня знали // <...> а ну пашли на ярмълку там / а не и не гъварят радитилим што я сённи замъж пайду // хватюцца / а где Катъ-ка Манька / где // а у! пашла замуж // такойо нядавно всё было / это сичас стали абъясняца // ввёл мужык . ввёл с ярманки там . всё // А.Н., Козырево¹

Крали же только тогда, когда родители одного из молодых были против их женитьбы; обычно после этого молодые (или один из них) просили прощения за уход:

ну примерна апанрѣвилась яму стъраверка / радители против / тут ужэ тожса как ни гъвари скандал тълучайица // И.Г., Марфино²

{А родители потом прощали?} да / прихадили ... на прашиенюу как бы // треттий день идуть ужэ муж жана . ужэ идуть пѣрою и к радитилим к йейным // йесли каму зять был как бы на нраву / так и прашили // а вот мая мать гъварила / ана вышла замъж и сильно ня любил яйо яйо атец / ни любил // ана вышла как вкрадке ат яво // и батѣ . яйо батѣ никак ни прассил (= не простил) // А.Н., Козырево¹

эту вот сницца йой (молодой жене) / пазвала мужа што гъварит пайедим на прашизньйо / а йой и гъварит / а вкрадке тябя ввязли . тък я гъварит ни пайеду / ты пъяжжсай гъварить анна (= одна) // М.В., Мехово.

Если же родители не прощали, *тагда ни . ни имея сын приваясьи* (= привести) *права* и.р. Марфино.

Обычно же сватались и устраивали свадьбу, но все было очень упрощенным, без каких-либо обязательных ритуальных моментов:

эта раньшы была в нас так сама што зъядён / но / хател жаницца / пъсылайит сватъв // зъсылайить / там сватъйить / прияжжсай / вот зъбирая и пайехъл // М.Р., Марфино:

пришол пъсидели пъгъварили раз и два и три / сгъварилися // ты пайдеш зъ мяня замъж? пайду // ну от так ажанилися // и.р., Марфино.

Как видим, невесту могли увести тут же после сватовства; свадьба была в доме жениха, могли гулять один-два дня, но при этом не совершали никаких этнографических действий.

Единственным условием, при несоблюдении которого молодым запрещали жениться, была *рôда*, т.е. степень родства между будущими супругами; считалось, что в брак нельзя вступать до четвертого колена:

{Через сколько колен разрешали жениться?} *чэриз чатыри // йежле ажаницца в треттим калене / нада тагда перид боуъм кайицца и деду с бабуй нясси пиямъйо /* П.Б., Антоново.

Пренебрежение данным правилом могло закончиться для молодой семьи трагически — *попы* имели право не крестить их детей и даже развести супругов, как это случилось с бабушкой одной из наших собеседниц:

в мяня бабъшка была / ана вышла . вышла замъж / а патом эты паповишына-та эта признали / какая-то рôда (= родня) // а рода ужсо какая-то дальняя / бох знайе какая-то / и кагда радилъсь мама ни ръзряшыли кряссить / ня стали папы кряссить рябёнка / што мол врода / сашилися // тък а рода-то ужэ была боу знайе какая / ужэ и ни траюрънныйи а бох ведайя куда / и вот тагда йета <...> дядя взял яну с рябёнкъм вот бабъшку маю с рябёнкъм взял дамой // а муж астался / муж ажанился другой раз / ну йон ни па свайой воли / а раз папы ни ръзряшыли // В.Т., Соснивица.

Семьи у наших фодосеевцев обычно были прочными и стабильными, и хотя супруги жили невенчанными, браки распадались редко; это обстоятельство особенно подчеркивается информаторами, они возмущаются поведением современной молодежи, в том числе и своих потомков, которые, по их мнению, с недопустимым легкомыслием как вступают в брак, так и разводятся.

Мы специально уделили особое внимание вопросам заключения брака и отношению староверов Поисья к семье, поскольку в полемических произведениях противников безбрачия и публикациях Н.С. Лескова приводились сведения об очень тяжелом и двусмысленном положении женщин в традиционных федосеевских общинах вследствие того, что мужчины смотрели на свою реальную супругу как на сожительницу, всячески унижали ее за сам факт рождения ребенка, могли прогнать с детьми из дому, взяв при этом новую молодую сожительницу и т.д. [Лесков 1996, 544–568]. Трудно представить, как вообще могли бы выжить сельские федосеевские общины и на Псковщине, и в иноверческом окружении на территории Литвы в XVIII в., если бы их семьи не были прочными и устойчивыми. Неужели женщины-федосеевки, будь они бесправными и униженными, не стали бы массово выходить замуж за нефедосеевцев? Но насколько нам известно, все было наоборот: старообрядки выходили замуж за совершников; межконфессиональные браки в староверческой среде были исключительно редкими; семьи федосеевцев были многодетными, они часто сами стремились к этому, поскольку многодетность открывала возможность для многих из них укрепить свое экономическое положение; эти многодетные семьи распадалась исключительно редко, а о существовании безотцовщины в их среде никто не помнит и не знает.

В связи с этим возникают вопросы о том, где, когда и в каких условиях могли сохраниться в федосеевских общинах элементы “брачного коммунизма” (выражение Н.С. Лескова), которые, видимо, встречались в федосеевских общинах начала и середины XVIII в.; были ли они характерны для всех сельских федосеевских общин в XVIII в.; что в утверждениях поморцев-полемистов и противников безбрачия о *блуде и разврате* в федосеевских общинах правда, а что относится к числу риторических преувеличений; является ли состояние федосеевской семьи на Псковщине и в Литве в конце XIX–начале XX вв. результатом длительной эволюции от почти свободных половых отношений в среде “первофедосеевцев” до почти пуританской строгости в более позднее время, или же последнее было всегда обычным для (абсолютного большинства или всех) сельских федосеевских общин?

Вот уж действительно, очень мало мы знаем о живом расколе.

Итак, вступив в брак, молодые члены федосеевских общин в Поисье автоматически становились *нъважѡньми*:

*вот я вот примерно вырѣсла в таком возрѣссе / всё время была рабская / а потом вышла замѣж / стала жаната / ужэ нъважѡна нъзывались панашѣму // нъважѡна ... П.А., Сидорово**

Теперь они были обязаны соблюдать несколько строгих правил поведения, касающихся конфессиональной стороны жизни общины и быта. Прежде всего, они не имели права молиться вместе с *рабскими* в храме, хотя могли при этом присутствовать, т.е. они не допускались к *общей (соборной) молитве*:

*вот и выходя разлица // и яны (новожены) ужэ вот вси стаять руки слажылышы / никто боу ня молицца / а молимся тольке вот рабскийе / и в нас такой закон / замѣж вышѣл / ну пусь и за прѣваславнѣва / за каво тама / ну и вот тагда-ка ужэ ай / ну ут на примерно / дявица вышла / и ана ужэ как брашная ичытайца / ана ужэ тагда боу ня молицца / ну / мались там апосле / мались скольке хочѣши / а савмесно ужэ ня молицца // могут так кагда с мужѣм жыть ня будеш М.В., Мехово**

Новожены не пели на клиросе и не могли быть кумовьями.

Лишь в последнее время новожены (или, как говорят в Поисье, те замужние женщины, которые с мужьм ни рьспрашчалишы) могут помогать наставнику во время богослужения (читать или петь), но не имеют права креститься и класть поклоны. Новожен может быть также избран председателем общины.

Кроме того, новожены имели специальную посуду, которая должна была храниться отдельно, и ни в коем случае не могли пользоваться посудой рабских членов общины:

вот йихныйи кружки вут эти саставлины сюда / а майи (рабские) вут саставлин сюда М.В., Мехово.

Новожены ели также отдельно от рабских: *ну вот пътаму няльзя . пътаму што я шчытаюся рабская / ужэ я вмести ня йем* М.В., Мехово.

Состояние новоженства не было окончательным и бесповоротным, оно сохранялось до тех пор, пока супруги жили в браке; когда эти отношения прекращались — они могли быть прекращены и сознательно, а не только в глубокой старости или в случае смерти одного из супругов, — оба супруга после *прашишания*, обязательного поста и молитв становились *рабскими*:

ньважонныйи это вот мужэ жэ жаной жыли б / жыли б и всё / а патом к старьсси как бы . как бы аны далжны ужэ пост атнясси / как бы развясси . спать няльзя было // шшыталися аны как бы ньважонныйи // как бы рьспрашишаца ужэ далжны пад старьсь мужэ жэ жаной //

ну нада было пост атнясси // нада пост атнясси шэсь нядель / йисъ в день раз и боуу малица // <...> штобъ вот рьспрашишаца с мужьм пад старьсь // ну тяперь этъва-ть ня дельют //

я знаю в м(ян)я свьякровка съ свѣкрѣм распрассились / ана очнь была давольна / што он ййо атпуссил ужэ как бы ат сябя атпуссил // прашишалъсь ана нясла пост // нясла пост так што вот в день шэсь нядель в день йела раз // <...> рыбу ня йела / только йесъ и в суботу въскрасенѣ / а так в день раз // так ана ужэ и гатовилась всё ... А.Н., Козырево:

папа с мамой были ньважонныйи / ане были жанатыйе // // патом папа с мамой атнясли пост за жанитьбу / ане стали ужэ тожко рабскийи / это всё было // П.А., Сидорово.

Еще раз особо подчеркиваем, что в состоянии *новоженства* не было ничего предосудительного, а тем более унижительного, хотя для перехода в *рабские* и требовалось своего рода покаяние и исполнение епитимьи (*питимый*). Этот вывод, видимо, подтверждается сообщением помощницы Марфинского наставника Е.Я. из д. Антоново:

а патом как туда яшшэ ньважоную . йету ужэ маленько рабскую палуччы как как вот кто такой што ньважоную / ну тожко всё это што

*нъважоную . што тожко всё атдельно всё всё иишэ это палуччы как-то
маленько вроди што-то ... /.*

Мирские

Староверы Поисья *мирскими* [мир'с'к'ими] называют не только православных, но и тех членов общины, которые не придерживаются (строго?) общепринятых правил поведения внутри общины и по отношению к внешнему миру. В этом значении *мирской* означает фактически “обмирщившийся”, т.е. соприкоснувшийся или соприкасающийся с внешним грешным миром или подвергшийся его влиянию. Иными словами, *мирские* — это староверы-федосеевцы, в том или ином отношении *грешащие* против своей традиционной веры, ср.:

*а йеты ужэ (мирские) . яны ни пръваславныйи / а замиришълышы . зъ-
валялышы / пйют там / ... М.В., Мехово:*

*а мирскыйе / амиршчылышэ (= обмирщившиися) / кагда вот на испыведь-
ту ня ходють ... М.В., Мехово:*

*папа с мамой были нъважоныйи / ане были жанатыйе // а малыцы были
мирскыйи / выпивали водку // этъ нъзывались мирскыйи // П.А., Сидорово:*

*и мирскый (= мирской) йел (скромное во время поста) / ну он нъзвайица
мирскый // он то где папие (= выпьет воды) там можа в пръваславнъх / он
ужэ вроди мирскей нъзывался //*

*вот он папйл (= выпил) стъравер вот / в миня был брат Андрей / он па-
тил в Платйшыни / там чысто мирскыйи / пръваславныйи (живут) / он ужэ
он ня мог ужэ с маей кружки (т.е. рабской) папить или с маей чашки па-
йись // П.А., Сидорово:*

Отношение к внешнему миру

Верующих православных (т.е. принадлежащих к официальной церкви) староверы Поисья рассматривают как иноверцев или людей *не анной руки*, считая их некрещеными; о своей жене, пришедшей в староверскую семью, И.Г. (д. Марфино), напр., рассказывает:

*раз ня_дна (= не одна) рука / эта всё // у ней свая чашка атдельная у
матери . ана ужэ ни магла там с ней (со свекровью) и папить и дажэ ку-
шьтъ / этъ ужэ нипрашынный как бы грех (для свекрови) <...> этъ ана
ужэ как бы мирская / этъ ужэ другой веры и всё такойе //*

*другийи как бы я пнимаю так што другойи люди што ль этъ ми'скыйи /
ну собсвена ми'скыйи . ни кряшоныйи и всё такойе / этъ ужэ к нашъй веры
ни гадяца //.*

Большим грехом считалось посещение православной церкви; за вход в нее

нясём питимьё // <...> и пайдём на истъвидь и спраигъвьё / ни зъхадила ль в пръваславную цэркву / ни хвалилась ль пению йихнью // это тожэ грех хвалить (православное пенне) // П.А., Сидорова

С православными старались не общаться и в быту; это не означает, однако, что их избегали во чтобы то ни стало, но при контактах староверы должны были прежде всего строго оберегать свою посуду от осквернения:

раньшы было . вот мая мама вот такийи как вы пришли пайись бы / и был такой сундучок нибальшэнький в маме / и йета . и яна / был нибальшэнький сундучок . и чашка и ложка атдельно . и попрося вот эть где пьбиралися . попрося эть пайись / и ана вот всё в атдельную чашку и ложку вальёе / ужэ ана вмессе ня будя с йим йись / яна мол как вот рабская да это стъраверка //

а йето пришол ужэ как никряшишный чълавек / па-йейнъму было / што вот никряшишный вот . раз ни па-нашъму пъкряшишон и ана ни далжна с йим вмесси йись //

это было было так / а тяперь мы вот всё с аннова всё ядйм Е.Я., Антоново: от так // и пить аны ня стали п пить вот . как применно с... прихадяшый чълавек ани дали б другую кружку // с бачкё ни напился б чужэй / гряшино штобъ с анной кружки штобъ ня нап(ился) А.Н., Козырева

Аналогичным образом относились даже к члену семьи, если он был не старовер; о своей тете, напр., информантка Л. (д. Луцилы), православная, рассказала следующее:

слушыйти / я как пришла сюда / а мая тётя была . вот ана с Пасихнъва / в Яжова вышгъчы зъ стъравера / тэк йей была тяга атдельна / ручка . ручка . тяга в двярине (в дверях) //

садилъся йись / мужык там садица / скътярётка в нас... скътярётки в стъраверъх слали / <...> / а йей вут так пьдаймут (= подвернут) скътярёдъчку вут тут и йеи на голъм стале //

кагда я вышла (за старовера) / <...> / ана пиша мама / што сястрица . мая Лида вышла наша замъж нидалёка ат Яжова зъ стъравера / ана в атвет и пиша . дърагая сястрица . луччы б мы ану малинькую зъдавили / чэм папала ана к стъраверъм // вут так раньшы в йих был абряд //

В сложной ситуации оказалась и она сама, когда пришла крестить дочь к староверскому наставнику:

начъли крясайть (= крестить) бôльшую дбчку . привяли кряссить / а поп и гъварит / клади начал / ну там начал . малитвы гъварити . и клади начал . што ты пирякressисся / а сижу вот так и гъварю / я кряшишонья //

а ане никак . мы рябёнка кряссить ня будим / а баба свякровка всё прося . акряссити акряссити рябёнка раз даёе / акряссите / а аны пристали ка мне / я гъварю / я сказала я акрешишън раз / и вмирать буду раз и радилышы раз / большы я кряссица ня буду //

тагда йетът (муж рассказчицы) сидить и гъварить / ня будити кряссить / я зъбираю рябѣнка и в Вельѣ (в православную церковь) / тагда толька начали кряссить //

а вот нявестку прижучѣли / ана акряссильсь // Л., Лушлы.

Старшие обычно требовали, чтобы староверческая молодежь не ходила на гулянки со своими сверстниками-православными:

всѣ абягали (= избегали) этѣх пръваславных // как гъварила ни свайѣ руке // ни с твайѣ руке / какова ты беса зъгуляла // Ф.Я., Антоново;

(мать говорит дочери) *адявать ня буду и ня будиш тушишѣна гулять (если будешь гулять с православным) //* Е.Я., Антоново.

Это был один самых действенных способов уберечь молодежь от смешанных браков:

тагда ганенью было / папы ганяли (за смешанные браки) ... М.В., Мехово; штоп за мирскова ишиз наши радители великую делу не хатели агдавать // не-не // Е.Я., Антоново;

(с православными) *асобо дяржались // вот в нас был такой <...> Ананька / он сгулялся с сярѣбринскѣй девкой / ана пръваславня и он стал прасить радителим штоб ... яну (взять в жены) / радители сказали / пакуль мы жывы ты яну ни привядѣш //* П.А., Сидорово;

нявесту братъ няльза была мирскую как нъзывались // йеслы в мяня крешшѣный сын тъ-стърверски ты ня имели права взять нявесту с другога прихода / а то был бы скандал // Е.А., Козырево.

Если наставник узнавал, что кто-либо из молодых людей встречается с православной девушкой или парнем, то

поп дажѣ ни принимал радителий (на исповедь) / {как?} а так / на итьвьдѣ пайде и ни принимал / вот делъйти што-нибудь штобъ кончылась йета в йих любов // вот так было строго // П.А., Сидорово.

По своему отношению к иноверцам, судя по нашим данным, староверы Поисья в принципе мало чем отличались от старообрядцев Литвы, за исключением одного: несмотря на все запреты, ограничения и усилия старших, браки с православными здесь были намного более частыми, чем межконфессиональные браки в Литве, при этом православная супруга обычно перекрещивалась в староверство (до совершения брака или же потом), а иногда это было обязательным условием заключения брака:

ну пиракрешшывѣлись много / мая бабушка / ана пръваславная была / пирикряссильсь вышла в Ръгали замѣж . ана пирикряссильсь / в стърверы пришла // П.А., Сидорово;

вмесси гуляли и за йетѣх за пръваславных вухадили стърверы / но редко выхадили вот / а тут ужэ брали всѣ этѣ вот наши стърверы брали

*мирских этъх прѣваславных / дѣгаваривѣлись / эту ранъшы ранъшы . а си-
час все равно / дѣгаваривѣлись што йезле пирякрессисся (= перекрестишь-
ся) в нашу веру / тък буду брать // тагда . тагда много прѣваславных пиря-
крешишьѣлись в нас тута // М.В., Меково;*

*(родители информантки) тожъ вмесси гуляли . да . тут край был та-
кой смеиный / <...> и выхадили замѣж / и стѣраверку брали / и выхадили
мирскийи зъ стѣраверкъ ... зъ стѣраверъв / так смешъные было / А.Н., Козырево-*

У многих наших информаторов старшего возраста старшие родственники были перекрещенными православными. Восстановить же в деталях эту картину на начало XX в. очень трудно, поскольку местные жители те межконфессиональные отношения, которые они наблюдали на протяжении своей жизни, могут проецировать в далекое прошлое. По мнению некоторых из них, нередко были также случаи добровольного перекрещивания православных в староверчество по убеждению, ср., напр., такое сообщение:

*(раньше) тожъ пирякрешишьѣлись много // и наши ахадили туда и ат-
туль выхадили(!) / вобшым каму как нравилось // П.А., Сидорово.*

Возможно, информатор несколько преувеличила степень распространенности этого явления, но тем не менее, мы считаем возможным допускать, что в конфессиональном отношении староверское сообщество Поисья в общем было более проницаемо, чем в Литве, где межконфессиональные браки были достаточно редкими, и память о них, как о событиях необычных, сохранялась долгое время.

В заключение хотелось бы еще раз подчеркнуть, что в данной работе были рассмотрены самые основные и наиболее характерные особенности конфессионального уклада федосеевской общины староверов Поисья, другие аспекты традиционной культуры этой конфессиональной группы предполагается осветить в следующих публикациях.

ЛИТЕРАТУРА

- ДАРЯ I–III = Аванесов Р.И., Бромлей С.В. (ред.), *Диалектологический атлас русского языка. Центр Европейской части СССР. В трех выпусках*, вып. I–III. Москва, 1986–1996.
- Зеньковский С., 1995: *Русское старообрядчество: Духовные движения семнадцатого века*. Москва.
- Кудрявцев Ю.С., 2000: *Старовер и старообрядец: оценка в терминах, ип Кюльмоя И.П. (ред.), Русские староверы за рубежом*. Тарту, 75–84. (Труды по русской и славянской филологии: Лингвистика. Новая серия, т. IV.)

- Лесков Н.С., 1996: С людьми древнего благочестия, in Лесков Н.С., *Полное собрание сочинений*, т. 3: *Сочинения 1862–1864*. Москва, 482–588.
- Нильский И., 1869: *Семейная жизнь в русском расколе: Исторический очерк раскольнического учения о браке*, вып. 1. Санкт-Петербург.
- Поташенко Г., 1999: *Старообрядческая церковь в Литве в XVII–начале XIX века*: Докторская диссертация. Вильнюс.
- Поташенко Г., 2001: Перемены в беспоповстве и федосеевский собор 1752 г., *Slavistica Vilnensis*, 2001. Вильнюс, 113–124. (Kalbotyra 50(2).)
- Псковская губерния = *Первая всеобщая перепись населения Российской Империи*, т. 34: *Псковская губерния*, тетрадь 1–2. Санкт-Петербург, 1904.
- Псковская область 1988 = *Административно-территориальное деление Псковской области (1917–1988)*, кн. 1–2. Ленинград, 1988.
- Старообрядчество 1996 = Вургафт С.И., Ушаков И.А. (сост.), *Старообрядчество. Лица, предметы, события и символы: Опыт энциклопедического словаря*. Москва.

E-mail: nadia@delfi.lt, cekm@post.omninet.net

Август 2002 г.

NADEŽDA AFANAS'EVNA MOROZOVA, VALERIJ ČEKMONAS

**Pious followers of the Old Faith near Opočka
(some socio- and ethnolinguistic notes)**

The Old Believers who live in the villages along the Issa River near the town of Opočka in the Pskov region belong to the radical branch of Orthodox Russian dissidents', the so-called Fedoseyevian denomination. Unlike the majority of the Feodosiy's followers, who over the 19–20 cc. gradually accepted the ideas of the non-priestist Pomorians, who are closely related to them, the Old Believers near Opočka continue the "celibatarian" ideology.

There is almost nothing known about the everyday life of these rural traditional Fedoseyevians. The tiny community we investigated consists of two parishes, and is currently on the brink of extinction. The main feature of the confessional structure of this community is the subdivision of its members into three groups, respectively, the *rabskije*, the newlyweds, *navažonyje* and the laypeople (or temporals *mirskije*). The status of each group within the community and the rules of conduct for its members are described on the basis of accounts recorded during the expedition.